

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Социология» Том 18 №1 (2005) 3-16

УДК 165: 930.1

О.К. Шевченко

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ И ЕЕ ПОСТИЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.

Кризис, в котором оказались постсоветские государства в начале 90-ых годов XX в. особенно остро проявился в системе управления, что вызвало соответствующую философскую рефлексию в виде многочисленных статей, монографий и диссертаций, посвященных проблеме власти. Значительный интерес к кратологической проблематике проявился в Украине и России [2, 7, 12, 14, 18, 19, 20].

Начиная с 1991 года в этих странах регулярно выходят работы, посвященные разным аспектам власти. Можно уверенно констатировать, что проблема власти занимает одно из ведущих мест в социально-философских исследованиях. Однако, до сих пор, отсутствует анализ методологических оснований отечественной кратологической мысли, что ведет к игнорированию наработанного опыта. Во многом это объясняется зависимостью современных методологических установок философии власти от западной ориентации (М. Вебер, М. Фуко, Н. Луман, Ю. Хабермас, Д. Батлер и др.). Поэтому, предпочтение отдается анализу оригинала, а не его копии. Однако, было бы ошибкой, сводить методологическую культуру российской и украинской философии власти до уровня эпигонства. В разные годы на в Украине и России был выпущен небольшими тиражами ряд монографий в которых власть рассматривается с оригинальных методологических позиций, позволяющих значительно раздвинуть границы философского освоения проблемы [2, 12, 18, 20]. Но небольшой тираж этих работ, излишне критическая оценка возможностей отечественной кратологии привели к игнорированию их методологии. Востребованными, и то лишь частично, оказались выводы относительно механизма осуществления власти и характеристики понятийного аппарата проблемы. Создавшаяся ситуация существенно ограничивает возможности исследовательской практики и лишает российскую и украинскую кратологию своей собственной методологической традиции. Поэтому обращение к анализу методологических оснований отечественной философии власти является актуальным и мера актуальности возрастает на порядок в условиях общества трансформационных процессов, где идет поиск оптимального соотношения вертикали власти и горизонтали общественных отношений. Актуальность заявленной темы обуславливает как цель, так и задачи статьи.

Предполагается рассмотреть существующие методологические подходы исследования власти в постсоветской Украине и России, что заставляет определить основные методологические направления исследования феномена власти и

осуществить сравнительный анализ украинской и российской кратологии, оценив возможности философии власти.

В качестве объекта выступают представления о власти в работах российских и украинских исследователей, а в качестве предмета - анализ методологических разработок в философской мысли России и Украины.

Европейские традиции философского освоения проблемы власти восходят еще к Платону, Аристотелю. Но с культом позитивизма и торжеством формальной рациональности, власть как проблема оказывается предметом исследования «практических» наук: психологии, социологии, правоведения, а позднее и политологии. Это привело к тому, что из-за сложности определения понятия власти, сферы ее проявления, форм осуществления, власть, как целое, в методологическом плане исчезает.

Изучаются отдельные аспекты проблемы – подавление, контроль и влияние в психологии, управление в социологии, легитимность и легитимация в правоведении и политологии. Власть теряет аксиологическую интерпретацию (исключением можно считать только работу Ф. Ницше «Воля к власти»), а в общественном сознании складывается тождество государства и власти, что вполне отвечает принципам индустриальной цивилизации и господствующему духу формальной рациональности.

Ренессанс философского дискурса власти приходится на 30-50 годы XX в., как проявление реакции на фашизм в Германии и коммунизм в СССР; на две мировые войны и «Охоту на ведьм» в США; развал колониальной империи Великобритании и начало холодной войны и др. Возникший кризис власти имел глобальный масштаб (революции в России и Европе, две мировые войны). Он требовал всестороннего осмысления и комплексного подхода, где философия обеспечивает наиболее приемлемые формы освоения проблемы. Особенно мощно философия власти заявила о себе через усилия Б. Рассела, М. Вебера, Э. Фромма, Х. Арндт, Э. Канетти, М. Фуко и др.

В отечественной философии «вплоть до 60-ых годов изучение власти как общественного явления практически отсутствовало» [11, с. 8]. Первым значительным исследованием стала монография ленинградского философа Н.М. Кейзерова «Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий», а спустя полтора десятилетия вышла коллективная монография – «Власть: Очерки современной политической философии Запада». Этими работами история советской философии власти не исчерпывается, но по глубине поднятых проблем, фундаментальному анализу феномена власти, они могут считаться эталоном, а поэтому вполне заслужено их можно рассматривать в качестве существенного опыта отечественной кратологии. И этот опыт нельзя игнорировать в условиях продолжающегося господства в научной среде духа позитивизма, когда роль философии в исследовании власти ставится под сомнение, ибо считается, что этот феномен является естественным предметом политологии (в форме политической власти), социологии (с точки зрения властных отношений в обществе) и психологии (на уровне взаимоотношений субъекта и объекта власти).

Философия, как форма рационального освоения мира изначально

ориентирована на открытие предельных оснований бытия мира и в этом смысле для всех отраслей научного освоения она является источником знания общего, которое в процессе социального научного познания обогащается конкретным фактическим материалом и преобразуется в систему взаимосвязанных понятий и суждений общего и единичного, целого и части. Этим и определяются претензии философии изучать власть на онтологическом уровне, формулировать ее понятийно-категориальный каркас. Для решения этих задач в философии власти традиционно используются два основных вида дискурса – философский и социально-философский. Первый позволяет исследовать понятия и категории феномена власти, создать образ власти как целостность, выявить ее сущность (Б. Рассел, М. Фуко и др). Социально-философский дискурс ориентирован на исследование генезиса власти; рассмотрение аксиологического и антропологического аспектов власти (в сфере политической деятельности); изучение динамики взаимодействия общества и государства (в сфере исторического времени конкретного общества); раскрытие содержания исторических типов мировоззрения (в сфере социально-политического пространства); а также постижение его экономических, социокультурных и социально-правовых оснований (М. Вебер, Э. Канетти, Э. Фромм, и др.). Такой подход обеспечивает возможность расширить пределы философского дискурса, существенно обогатив его знанием конкретного механизма осуществления власти, способа ее проявления и способа ее бытия. Следует отметить, что в чистом виде философский или социально-философский дискурсы почти не представлены. Можно вести речь лишь о доминировании того или иного дискурса в каждой конкретной работе.

В условиях постсоветского пространства философия оказалась наименее востребованной. Если она и сохраняет свои позиции, то только через понятийно-категориальный анализ власти [1, 11, 16]. Что касается общей методологии власти, то она заимствована из методологии аналитической школы. Следует признать, что аналитическая школа обеспечила возможность использовать мощный арсенал семиотики и логики, снять двусмысленность, неопределенность, путаницу, а зачастую и прямую фальсификацию значений понятийного аппарата власти. Но невостребованность философского дискурса привела к отождествлению власти с одной из ее форм – государственной властью, авторитета с насилием и принуждением, власти с политикой. Поиск сущности власти, построение образа власти как целостности подменяется концептуальным анализом понятийного аппарата заявленной проблемы. Но за исследуемыми категориями и понятиями теряется сама власть, формы ее конкретного проявления и осуществления. Происходит разрыв между теорией и практикой, нарушается принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Качественная рефлексия должного и сущего, общего и единичного подменяется произвольными конструкциями. Это приводит к тому, что в условиях трансформационных процессов постсоветских обществ философский метод освоения власти, ограниченный узкими рамками аналитической школы, не может обеспечить выполнение социального заказа на создание долгосрочной стратегии по преодолению кризиса власти. Гуманитарные науки, урезанному философскому дискурсу, предпочли потенциально-волевой,

психологический и социологический подходы, задачей которых является не постижение власти как целого, а изучение ее отдельных аспектов. К ним примыкает комплексный подход с претензией преодолеть методологическую самоизоляция указанных подходов, расширить проблему власти с одного до нескольких измерений, выявить то общее, что присутствует во всех ее формах и типах на разных этапах ее исторического развития. При осуществлении заявленных задач апологеты комплексного подхода идут по пути адаптации опыта разных направлений и отчасти унаследывают советский опыт исследования власти*.

ПОТЕНЦИАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ ПОДХОД

Своими истоками потенциально-волевой подход уходит в середину XVII века и связан с именем Т. Гоббса. В его сочинении «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» следует искать механизм идентификации возможности с властью. Завершенную форму этой концепции придал М. Вебер. Сторонники потенциально-волевого подхода склонны рассматривать власть как вероятность, способность субъекта власти производить воздействие на объект. При этом понятия «субъект» и «объект» власти редуцируются до уровня деятельности индивидов. В работах Т. Гоббса и М. Вебера власть рассматривается преимущественно как асимметричное отношение (т.е. чем большей властью обладает субъект власти, тем меньше власти имеется у объекта) между отдельными людьми. Логическим следствием этого является проблема соотношения двух воль и пределов индивидуальной свободы человека. Что привело к необходимости рассмотреть проблему взаимосвязи свободы и воли, выявить их предельные основания. Рассмотрение этой проблемы предполагает возможность выйти на подлинно философский уровень освоения проблемы. Потенциально-волевой подход имеет и ряд других позитивных аспектов. Они заложены в поиске ответа на вопросы, когда власть становится властью; можно ли говорить, что власть появляется сразу в виде свершенного акта – воздействия или принуждения; является ли властью способность, потенциальные возможности осуществления воли и т.д. Поставленные вопросы имеют прямое отношение к проблеме соотношения чистого и наличного бытия, существования власти вообще (как нечто, которое является при этом ничем) и наличного бытия власти (способа осуществления, форм проявления, механизмов функционирования).

* Исследуемые работы не могут быть однозначно отнесены к какому либо одному подходу философскому, психологическому или потенциально-волевому. Как правило, та или иная конкретная работа создана с использованием разных методологических подходов, но при этом один из них является определяющим и, прежде всего, в плане исходного, предпосылочного знания. Например, монография В.Г. Ледяева создана по принципам философского дискурса в рамках аналитической школы, но методологические предпосылки концепции автора лежат в сфере потенциально-волевого подхода. Еще одним примером служит диссертация С.В. Серебрянского, которая по форме является примером философского анализа власти, но предпосылки концепции были выработаны в рамках социологического подхода.

Несмотря на широкие возможности, заложенные в рамках потенциально-волевого подхода, они, оказались невостребованными в отечественной философии. Вероятно, это связано с тем, что понятия «субъект» и «объект» власти наделяются предельно широким смыслом и за ним стоят уже не только индивиды (как у Т. Гоббса и М. Вебера), но и группы, общности, общественные и государственные структуры. Расширительное толкование «субъекта» и «объекта» власти ведет к тому, что проблема воли, свободы, справедливости приобретает формальный характер. Эти базовые ценности власти редуцируются до уровня инструментов осуществления власти. Воля теряет свою метафизическую сущность и рассматривается как показатель потенциала принуждения субъекта власти и предрасположенности к подчинению объекта власти. Свобода как фундаментальная категория философии также теряет свое значение и служит нуждам диагностики характера властных отношений. Справедливость как ценность уступает место понятиям эффективности и необходимости. Таким образом, можно сделать вывод, что потенциально-волевой подход испытывает сильнейшее влияние позитивизма. Позитивизм редуцирует власть до уровня проблемы механизма осуществления власти. Адептами потенциально-волевого подхода в условиях трансформационных процессов постсоветских обществ можно рассматривать В.Г. Ледяева, и Р.В. Зимовеца.

В своей монографии «Власть: концептуальный анализ» [11] В.Г. Ледяев определяет власть как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями» [11, с. 268]. Зимовец Р.В. в своей кандидатской диссертации «Феномен власти в культуре» [7] отмечает, что «влада завжди є чимось «більшим» ніж конкретна форма її актуалізації. Вона завжди існує в модусі потенційності і не може бути редукована до її проявів. Сутність влади полягає у тому, що вона завжди може щось здійснити, що вона тримає для себе відкритим коло підконтрольних можливостей здійснення» [7, с. 96].

Несмотря на то, что монография В.Г. Ледяева подготовлена в рамках аналитической школы [11, с. 17], а кандидатская диссертация Р.В. Зимовеца – в духе культурологического анализа [7, с. 180], результат представленных концепций практически идентичен. Это обусловлено тем, что и В.Г. Ледяев и Р.В. Зимовец активно используют общелогические приемы и традиционные для потенциально-волевого подхода исходные посылы. Методологические основания потенциально-волевого подхода ограничивают кратологическую проблематику только вопросами соотношения свободы и воли. Вероятно этим объясняется, что авторы отмеченных работ не сумели выйти на проблему сущности власти, обеспечить ее аксиологическую интерпретацию. Что касается феноменального уровня, то здесь авторы чувствуют себя уверенно и достаточно обоснованно доказывают, что уже наличие воли и свободы говорит о появлении власти, но это не означает, что сущность власти должна быть идентична условиям и факторам ее проявления. И хотя авторы делают попытку показать переход власти от сущности к явлению, но позитивистские влияния не позволяют им в полной мере осуществить эту возможность. Не малую роль здесь сыграло влияние западноевропейской политической философии (работы которой, по преимуществу созданы в духе

формальной рациональности), при явно недостаточной адаптации идей таких классиков как Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Виндельбанд. Тем не менее нельзя игнорировать и несомненное достоинство отечественного направления потенциально-волевого подхода. Эти исследования важны тем, что они дают конкретный материал (наработанный в рамках аналитической школы или через культурологический анализ) к выявлению проблемы возникновения власти и рассмотрению механизма ее осуществления.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Очень близок к потенциально-волевому подходу - психологический. Успехи психоанализа, адаптация в философском дискурсе идей фрейдизма и неотрейдизма обеспечили становление этого направления философии власти. Среди классиков психологического подхода следует назвать З. Фрейда, А. Адлера, К. Хорни, Т. Адорно, Д. Батлер. В основной своей массе, основатели этого подхода работали под впечатлением ужасов тоталитарных режимов. Поэтому их непосредственной целью было выявление причин и механизмов подавления свободы и воли, отказа личности от этих ценностей.

В качестве своей исходной посылки психологическое направление выдвинуло тезис, что власть, это всегда дискурс между субъектом и объектом. Исходя из этого, исследователь зачастую приходит к фетишизации властных отношений. В этом случае власть прямо или опосредовано отождествляется с коммуникацией. Легитимация и легитимность признается центральной проблемой власти как целостности. При этом игнорируется тот факт, что отношения между субъектом и объектом власти могут претендовать лишь на роль механизма осуществления власти, но никак не на ее сущность. Обостренное внимание исследователя только на коммуникативной составляющей власти создает трудности восприятия целостности власти. Власть лишается права на статус особенного вида бытия в мире. Она уже не может претендовать на специфический способ бытия (политическая деятельность, которая находит отражение в отношениях субъекта и объекта власти), свою форму проявления (политическая культура в рамках социально-политического пространства) и специфическую форму осуществления (историческое время конкретного общества, конкретные формы государственного правления). Такая позиция является следствием игнорирования философского дискурса освоения власти.

Но при всех своих изъянах, психологическая теория власти имеет и несомненные достоинства. Представители этой концепции оперируют в своих исследованиях богатым эмпирическим материалом. Поэтому достигнутые результаты в рамках этого направления необходимо принимать во внимание. Кроме того, сама методологическая канва психологического подхода ориентирована на человека и его внутренний мир, показывает скрытые механизмы его «Я». Этот антропологический поворот имеет, несомненно, положительное значение, ибо демонстрирует более глубокое исследование проблемы человека, чем в рамках формального марксизма 80-х годов и концепции абстрактного человека, как субъекта власти начала 90-х годов XX вв. Актуальность изучения практики

субъектно-объектных отношений делает психологический подход одним из самых востребованных направлений кратологии.

В рамках этого направления, исследовательские концепции варьируются от попыток представить власть, только как разновидность психологического воздействия [22, с. 15], до утверждения, что власть, это исключительно отношение между двумя волями [9, с. 12]. На умеренных позициях стоят Т.А Штукина [23, с. 69] и В.Н. Соколов, А.Г. Старинец [17, с. 147] Они считают, что сущность власти хоть и определяется психологическим содержанием, но не исключают наличия социального компонента.

Современные представители психологического подхода работают исключительно в рамках идей, предложенных основоположниками реляционистской теории власти. При этом, как правило, они обращают свое внимание лишь на положительные стороны подхода и, практически, не принимая во внимание его недостатки и методологическую ограниченность.

Но в рамках психологического подхода зреет осознанная необходимость ревизии используемой методологической культуры. Первым серьезным шагом в критическом переосмыслении ряда идей психологической теории власти явились монографии: «Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций» под редакцией В.Ю. Большакова и Конфисахор А.Г. «Психология власти». Представленные в коллективной монографии под редакцией В.Ю. Большакова работы А.Л. Свенцицкого, В.В. Крамника, В.К. Васильева демонстрируют стремление выработать собственные методологические основания в рамках психологического подхода и уйти от фетишизации властных отношений. Эти работы являются первым шагом к реабилитации социально-философского дискурса и поиску предельных оснований заявленных проблем (социальная власть у А. Свенцицкого, лидерство у Л. Васильева, субъект и объект власти у В. Крамника). А.Г. Конфисахор в своей монографии сделал серьезную заявку на определение роли философии в психологии власти и обосновал необходимость адаптации достижений философского дискурса при изучении частных вопросов в рамках психологического подхода. Однако подобного рода проекты скорее исключение, чем правило.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

Социология оказала, существенное влияние на формирование и развитие философии власти. Классиками подхода считаются М. Вебер, Т. Парсонс, Д. Истон, Н. Луман, Т. Кларк, М. Крозье и др. Достоинством этого направления является попытка определить место и роль властного феномена в рамках единой системы – общества, определение критериев идентификации того или иного феномена с властью. Говоря о наличном бытии власти, эта позиция в принципе оправдана. Она позволяет провести строгую классификацию видов власти, осуществить скрупулезный анализ взаимоотношений субъекта и объекта власти (как на личностном так и общественном уровне). Потенциально социологический подход предоставляет возможность отследить формы взаимоотношений индивида, общества и государства и представить их взаимосвязь как строгую и гибкую систему. Возможности социологического подхода могут и должны быть востребованы при изучении конфликта во взаимоотношениях участников властного

процесса, качественных отличий мировоззренческих позиций субъекта и объекта власти, степени прочности той или иной властной структуры. Но используя возможности социологического подхода нельзя предавать забвению его «ахиллесову пяту». Это, прежде всего, касается произвольной замены онтологических оснований власти властными отношениями, что делает неприемлемым использование исходной посылки этой теории. Еще одним существенным изъяном социологического подхода является чрезмерное увлечение построением структур (преимущественно вертикально-иерархического порядка). За схемами властных отношений, системами и подсистемами теряется человек и его ценностные ориентации. Человек редуцируется до индивида с точно заданными параметрами, а власть теряет свою антропологическую составляющую. В этом случае существует опасность отчуждения, пока в методологическом плане, человека от власти и отождествление последней с государством или общественной структурой. К сожалению, в рамках отечественного социологического подхода эти aberrации нашли свое полное выражение. Так власть изучается либо как функция социальной системы общества [16, с. 9, 21;] (средство интеграции общества [3, с. 186]), либо как структурная форма этой системы [5, с. 4].

Представляя власть как функцию социальной системы апологеты социологического подхода неизбежно игнорируют вопросы, связанные с ценностной оценкой власти, не поднимаясь выше установления ее эффективности, где справедливость подменяется определением пределов полномочий власти, а человек лишается права обладания властью и ставится в узкие заранее предписанные рамки поведения. Рассматривая власть как структурную форму системы Н.Г. Диденко выделяет управление в качестве содержания, а власть и государство в качестве формы [5, с.4]. Таким образом техническая процедура осуществления власти объявляется ее содержанием. При этом сама власть рассматривается как форма и по сути, отождествляется с государством (хотя он делает заявку на диалектическое взаимодействие этих феноменов [5, с. 17]). Человек, как обладатель власти естественным образом выпадает из этой системы и редуцируется до уровня строительного материала.

Если в рамках психологического подхода наметились попытки провести ревизию методологической культуры то в рамках социологического подхода это еще предстоит сделать.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД.

Советская философская школа оказала огромное влияние на развитие российской и украинской кратологической мысли. Прежде всего, это проявилось в тенденции определять субстанциональное ядро власти, проследить взаимосвязь сущности и явления [2, 12, 18]. В.И. Митрохин изначально видит власть как «волевое удовлетворяющее обладание», Л.К. Байрачная - как «волевое выражение интересов субъекта власти» с ориентиром на социальную ответственность, А.И. Соловьев – как форму социального давления на людей зависящую от ценностных ориентаций субъекта и объекта власти. Комплексный подход обеспечивает возможность обосновать право власти на свой способ бытия, свою форму проявления и свою форму осуществления. Это задает предпосылки снять

методологические ограничения потенциально-волевого, психологического и социологического подходов и раздвинуть границы изучения власти до сущностного уровня. В какой то мере это свидетельство восприятия базовых идей советской философии власти [13, с. 17]. Однако, в отличие от последней, комплексный подход особое внимание уделяет не государству, классовым антагонизмам, а проблеме воли, ее онтологическому статусу. Власть как проблема начинает обретать антропологические черты, что обеспечивает возможность уйти от «советской» схемы отождествления власти с государством, а субъекта власти с государственными структурами. Категория субъекта власти, становится предельно широкой. Она не ограничивается лишь государственными или общественными организациями. Такой подход является первым шагом в методологическом плане переосмыслить факт отчуждения человека от власти, наделить его в теоретическом плане правом статуса субъекта власти. Но сам человек представлен слишком абстрактно. Понадобились усилия представителей психологического подхода, чтобы обосновать положение о человеке как субъекте власти, определить статус его индивидуального «Я», выявить роль его ценностных ориентиров во властных отношениях.

Методологическую установку на продолжение поиска предельных оснований власти продолжила О.В. Плотникова, и коллектив авторов под руководством В.В. Ильина. Но их исследования попали под влияние реляционистской концепции власти. Власть рассматривается, по преимуществу, как отношение между людьми, при этом особое значение уделяется «стихии человеческого общения» [19, с. 7]. Вводится термин «властеотношения» [14, с. 25]. Но заимствование из реляционистской теории происходит только на уровне восприятия техники анализа. Власть рассматривается как отношение, свойство общества, что обуславливает необходимость исследования коммуникативных структур заявленного феномена. Особое внимание уделяется механизмам осуществления власти, принципам ее функционирования. Происходит определенная фетишизация властеотношений, которые идентифицируются как онтологические основания власти. Но статус властеотношений не выходит за рамки способа бытия власти, в качестве которого выступает политика. Поэтому, основная идея монографии под редакцией В. Ильина выглядит методологически некорректной.

В работе О. В. Плотниковой тенденция сворачивания комплексного подхода к проблеме и анализ одного или двух ее аспектов проявляется не столь явно. О. Плотникова осуществляет попытку совместить два вида дискурса: философский (в форме концептуального анализа власти) и социально философский (поиск взаимосвязи сущности власти с ее конкретными общественными формами осуществления). Однако, эту попытку следует признать неудачной. Автор уходит от поиска предельных оснований власти хотя и рассматривает проблему в социальном, политологическом, психологическом, антропологическом измерениях, выявляя формы бытия власти на уровне биосферы, социосферы и антропосферы.

И тем не менее, заслугой всего направления является желание выйти за узкие рамки формального марксизма и адаптировать новейшие философские и политологические идеи западного мира. Благодаря фундаментальной проработке

философских категорий воли и свободы В.И. Митрохин, Л.К. Байрачная и А.И. Соловьев ушли от излишней психологизации темы и предложили модель власти как многомерного феномена имеющего единое субстанциональное ядро.

С середины 90-х годов XX в. происходит полный отказ от принципов комплексного исследования власти. Если в ранних работах эта тенденция только намечалась, то позже, методологическая культура советской философской школы, позволявшая изучать феномен власти во всей его полноте – канула в Лету. Феномен власти рассматривается хоть и тщательно, но лишь с точки зрения одного или двух его измерений (политического, психологического, социологического). О поиске субстанциональных оснований власти, взаимосвязи сущности и явления власти говорить не приходится. Лишь в начале XXI в. появляются работы, которые фактом своего существования, заявляют о необходимости возрождения комплексного подхода к изучению власти. К сожалению, в них не просматривается преемственность с отечественными работами начала 90-х годов.

Второе поколение апологетов комплексного направления восприняло цели своих предшественников, но существенно изменило методологический и понятийный аппарат. Если в работах начала 90-ых годов прослеживаются мысли берущие свое начало у Платона (где власть это сила), то теперь на вооружение была взята традиция, имеющая в своих истоках работы Аристотеля: «во всем, что будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных...сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы» (Аристотель. Политика. 1254а. 9) Написанные скорее в рамках системного метода, но в духе структурализма, исследования В.Ф. Халипова и Н.Ю. Денисовой обосновывают власть, как некое цементирующее начало, принцип организации бытия вообще [20, с. 16; 4, с.10]. Рассматривая проблему именно в таком ракурсе, эти исследователи уходят от традиций новоевропейской кратологической мысли, которая начиная с Н. Макиавелли и Т. Гоббса рассматривала власть как инструмент общества, как функцию социальной структуры.

В какой то мере к ним примыкает работа А. Д. Латипова. Заявляя об использовании диалектического метода [10, с. 13], Латипов ищет «то инвариантное, что остается константным при всех исторических изменениях и формах власти» [10, с. 13]. Он полагает, что власть «есть особая (надзоологическая) сила общества, превышающая естественную биологическую сумму силы, образующих его людей. Эта метафизическая (безличностная, наиндивидуальная) сила» [10, с. 14].

Несомненно, такие предложения по рассмотрению проблемы власти позволяют подняться на определенный уровень абстракции и использовать достоинства философского дискурса, избежав, тем самым, засилья «формальной рациональности», фетишизации «социального действия», «психологического или волевого воздействия», «механизмов обеспечения функционирования социальной системы», т.е. тех исследовательских aberrаций, которые характерны для потенциально-волевого, психологического и социологического подходов.

Концепции потенциально-волевого, психологического и социологического подходов можно рассматривать, как отказ от теоретического багажа советской

философской мысли. Если в начале 90-х годов еще был возможен комплексный подход к проблеме, то нынешнее поколение исследователей довольствуется отдельными аспектами философии власти. Современным исследователям не удается подняться (зачастую такие цели и не ставятся) на ту высоту абстракции, где работали их предшественники начала 90-х годов XX в. Было утеряно представление власти как целостного феномена, где его психологические, социологические, политологические и др. измерения были рядоположны, и рассматривались с позиций принципов когерентности, синергии и каузальности.

Приведенные исследования проблемы власти, в основной своей массе, демонстрируют тенденцию нарушения единства теории и практики. В этом сказывается влияние зарубежных концепций на отечественных философов, что проявляется в попытках авторов построить красивые построения, без рефлексии должного или, что встречается чаще, в стремлении превратить философское исследование в политологический, психологический или социологический анализ реалий сегодняшнего дня.

Исследовательскую ситуацию усугубляет дефицит фундаментальных монографий, добротных диссертаций, в которых бы присутствовал качественный анализ тенденций развития феномена «власть» на основе конкретного исторического материала (одни из немногих исследований на эту тему - [6, 8, 15]). Это свидетельствует о необходимости исправить сложившуюся ситуацию. Как ответ на вызов, появляются работы, в которых вновь поднимается проблема поиска сущности власти [1, 10, 20, 21], что демонстрирует осознанную необходимость новой методологии исследования проблем власти. Однако поиск новых подходов через проекцию работ западных авторов может привести только к частичному успеху. Тому свидетельство монографии В. Г. Ледяева [11] и В. Ф. Халипова [20].

Однако, как показал представленный анализ кратологической мысли всех ее направлений (философское, потенциально-волевое, психологическое, социологическое, комплексное), на ряду с отмеченными недостатками эти направления демонстрируют и определенный положительный опыт. Следует отметить:

1. добротный анализ значительного массива эмпирического материала из области психологии и социологии власти, а также политологии;
2. тщательная проработка западных концепций власти;
3. актуализация поиска критериев власти в рамках наличного бытия;
4. акцент на антропологическое измерение проблемы;
5. пересмотр понятийно-категориально аппарата власти.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что ныне созрела необходимость концептуального освоения феномена власти и обобщения эмпирической реальности на более высоком теоретическом уровне с обращением к ее онтологическим основаниям. Это возможно сделать только в рамках социально философского дискурса, что позволит востребовать достоинства и психологического и потенциально-волевого и социологического подхода, а также избежать присущих им недостатков. Так психологический подход необходим при усилении антропологической направленности изучения власти, потенциально-волевой подход

при определении перехода власти от чистого к наличному бытию, изучении проблемы соотношения воли и свободы, социологический подход незаменим при создании схем функционирования власти, механизма взаимоотношений между субъектом и объектом власти. Социально-философский дискурс располагает возможностью интегрировать эти разные пласты человеческого знания (социологии, психологии, философии, политологии, правоведения) и сделать заявку на раскрытие подлинной сущности власти, лучше оценить такие фундаментальные проблемы сегодняшнего дня как кризис управления, потерю субъектами власти авторитета и доверия у населения, недееспособность принципов либеральной демократии в посттоталитарных государствах. Без разрешения этих проблем, трудно представить качественные и методически выверенные рекомендации по выходу постсоветского общества из системного кризиса.

Что касается сравнительного анализа изучения проблемы власти в философской мысли России и Украине, то он показал, что их философские школы не имеют четко выраженных качественных отличий. В целом, изучение заявленного феномена в постсоветской России и Украине прошло одинаковые этапы. Практически в каждом из выделенных направлений присутствуют работы как украинских так и российских философов. Их методологическая культура имеет единый источник (в меньшей степени философскую школу СССР и в большей – западные философские направления). На сегодняшний день нет оснований говорить о формировании специфических методологических подходов философии власти в России или в Украине. Некритическое восприятие модных западных концепций и отсутствие востребованности собственных методологических направлений является общей проблемой, которая должна быть решена. Без решения вопросов методологии практически невозможно вывести кратологию из сложившейся кризисной ситуации. А реальные трансформационные процессы обществ постсоветского пространства будут постоянно инициировать необходимость изучения феномена власти и механизма ее осуществления.

Список литературы

1. Аникевич А. Г. Категориальный ряд власти: социально-философский аспект. – Красноярск: Изд-во ГТТУ, 1998. – 207 с.
2. Байрачная Л. К. Власть: содержание, структура, функции (социально-философский анализ). Диссерт. к. ф. н. – Харьков, 1992. – 179 с.
3. Галиев М. Р. Философия власти: противоречия между мировым политическим опытом и осуществлением властвования в условиях современной российской действительности. Диссерт. к. ф. н. – М., 2002. – 211 с.
4. Денисова Н. Ю. Власть как конституирующий фактор социокультурной реальности. Автореф. к. ф. н. – Саратов, 2003. – 22 с.
5. Діленко Н.Г. Взаємодія управління, влади і держави як предмет філософського аналізу. – Диссерт. к. ф. н. – Донецьк, 2002. – 163 с.
6. Желяев Т. Н. Эволюция систем власти: социально-философский анализ. Автореф. к. ф. н. – Улан-Удэ, 2002. – 24 с.
7. Зимовещ Р. В. Феномен влади в культурі. Диссерт. к. ф. н. – К., 2001. – 188 с.
8. Королев С. А. Технологии власти в истории России. Автореф. д. ф. н. – М., 1998. – 38с.
9. Курбанова Е. С. Власть и управление: единство и взаимодействие в обществе. Автореф. к. ф. н. – М., 1996. – 20 с.

10. Лятипов А. Д. Власть как социальный феномен и формы ее истинности. Автореф. к. ф. н. – Уфа, 2001. - 19 с.
11. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: Росспэн, 2001. – 384 с.
12. Митрохин В. И. Сущность власти: философский анализ. - М.: Изд-во МГОПИ «Альфа», 1992. – 148 с.
13. Осадчий Н. И. Социально-философский анализ власти как общественного явления. Диссерт. к. ф. н. – М., 1983. – 182 с.
14. Плотникова О. В. Власть и формы ее проявления. - Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1996. - 129 с.
15. Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. - СПб.: Церковь и культура, 2001. – 816 с.
16. Серебрянский С. В. Концептуальный анализ феномена власти. Автореф. к. ф. н. – М., 1993. - 22 с.
17. Соколов В. Н., Старинец А. Г. Власть и общество. - Одесса: Маяк, 2003. - 180 с.
18. Соловьев А. И. Культура власти. – М.: Николь, 1992. - 144 с.
19. Философия власти / Под. Ред. В.В. Ильина. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. – 271 с.
20. Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология. - М.: «Ось-89», 2002. – 448 с.
21. Хомелева Р. А. Онтологический статус политической власти: теоретические и методологические аспекты исследования. Автореф. д. ф. н. – СПб, 2001. - 34 с.
22. Шестопад Е. Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти. - М., 2002. вып. 1. - С. 14-30.
23. Штукина Т. А. Политическое лидерство как проявление власти (теоретико-методологический аспект). Диссерт. к. ф. н. - М., 1995. – 166 с.